

УДК 159.9

Т. Е. Яценко

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Министерство образования
Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь,
+375 (163) 40 95 20, t.e.yatsenko@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ «ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ» С ПОЗИЦИИ СУБЪЕКТНО-СРЕДОВОГО ПОДХОДА

Статья посвящена анализу теоретических основ и эмпирических исследований феномена виктимного поведения. Определены преимущества субъектно-средового подхода в описании виктимного поведения. В русле субъектно-средового подхода приведена авторская дефиниция виктимного поведения, раскрыта его психологическая сущность и признаки, описан психологический механизм его формирования. Систематизированы качества личностных границ человека с виктимным поведением, обуславливающие делегирование им функции управления своим психологическим пространством другим индивидам.

Ключевые слова: виктимность; виктимное поведение; субъектно-средовой подход; субъект; личностная суверенность; личностные границы.

Библиогр.: 59 назв.

T. E. Yatsenka

Baranovich State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus, 21 Voykova Str.,
225404 Baranovich, the Republic of Belarus, +375 (163) 40 95 20, t.e.yatsenko@mail.ru

PSYCHOLOGICAL ESSENCE OF THE CATEGORY “VICTIM BEHAVIOUR” FROM THE POSITION OF THE SUBJECT-ENVIRONMENTAL APPROACH

The article is devoted to the analysis of theoretical foundations and empirical studies of the phenomenon of victim behaviour. The advantages of the subject-environmental approach to the description of victim behavior are determined. According to this approach, the author's definition of victim behaviour is presented. Also, its psychological essence and features are disclosed, and the psychological mechanism of its formation is described. The qualities of personal boundaries of a person with victim behaviour are systematized, which makes it possible for him to delegate the function of his psychological space management to other individuals.

Keywords: victimness; victim behavior; subject-environmental approach; subject; privacy; personal boundaries.

Ref.: 59 titles.

Введение. Понятие «виктимное поведение» характеризуется недавним вхождением в психологию из криминологии. Попытки перенесения криминалистических знаний в психологию обусловили преимущественное рассмотрение виктимного поведения в условиях криминальности, экстремальности, опасности среды при недостаточном внимании к психологическим механизмам, условиям формирования и особенностям проявления человеком виктимного поведения в повседневной жизни, в частности — в межличностном взаимодействии в различных социальных институтах (семья, учреждения образования, трудовой коллектив и т. д.).

Вследствие этого очевидна необходимость методологического рассмотрения категории «виктимное поведение» в психологической науке, что позволит повысить эффективность психодиагностической, психопрофилактической и психокоррекционной деятельности, адресной категорией которых выступают виктимные индивиды.

Исследованию виктимности посвящены диссертационные работы М. А. Одинцовой (выделила основные характеристики игровой и социальной роли жертвы, типы виктимных личностей) [1—5], Н. Л. Захаровой (исследовала ролевую виктимность подростков в ситуации

хронического заболевания) [6], Н. Ю. Чернобровкиной (проанализировала смысловую сферу и ценности виктимных личностей) [7], О. О. Андронниковой [8], М. П. Долговых [9] (определили психологические факторы виктимного поведения подростков), О. А. Клачковой (изучала структурную организацию виктимной личности) [10], Е. С. Фоминых (исследовала виктимное поведение студентов с ограниченными возможностями здоровья) [11]. Виктимность изучали такие белорусские учёные, как Н. К. Плавник [12], Н. П. Радчикова [13], А. А. Стреленко [14], Т. Е. Яценко [15—17].

Материал и методы исследования. Для раскрытия психологической сущности виктимного поведения с позиции субъектно-средового подхода теоретическому анализу были подвергнуты работы российских и зарубежных ученых. Были использованы следующие теоретические методы: метод анализа и синтеза, абстрагирования, мысленного моделирования.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ существующих подходов к описанию виктимного поведения показал, что в основном акцент делается на констатации виктимной деформации личности. Подходы, раскрывающие векторы и механизмы вероятностного позитивного изменения виктимной личности и характера ее взаимодействия со средой, не представлены. Открытым остается вопрос, касающийся объяснения вариативности проявления виктимного поведения.

Виктимное поведение рассматривается учеными в основном в статическом состоянии. Исключение — теория ролевой виктимности М. А. Одинцовой, в которой раскрывается динамика ролевого виктимного поведения через описание изменения силы рентных установок личности в процессе взаимодействия со средой.

Таким образом, не получили должного рассмотрения следующие аспекты проблемы взаимодействия виктимной личности и социальной среды:

- динамика самосознания виктимной личности и виктимного поведения под влиянием текущей ситуации взаимодействия;
- сочетание ее уязвимости к деструктивным социальным воздействиям наряду со способностью определять поведение другой стороны взаимодействия, в том числе провоцировать виктимизирующие воздействия социума;
- наличие не только реактивной позиции общества в отношении виктимного поведения человека (игнорирование, принятие или непринятие), но и активной позиции, проявляющейся в действиях, направленных на стимуляцию его к отказу от виктимного поведения и освоению позиции субъекта жизни.

Преодолеть отмеченные выше ограничения в понимании виктимного поведения позволяет субъектно-средовой подход С. К. Нартовой-Бочавер. Он делает возможным описание виктимного поведения как проявляющегося через отношение к другим людям и себе в границах и на границах психологического пространства личности. Для раскрытия сущности виктимного поведения с позиции данного подхода необходимо конкретизировать сам термин, обозначить его индивидуально-психологические и социальные факторы, описать с учетом категорий данного подхода («психологическое пространство личности», «психологические (личностные) границы», «суверенное поведение», «приватность», «персонализация»).

С учетом положений субъектно-средового подхода можно заключить, что для виктимной личности характерно переживание депривации в двух аспектах:

- 1) социальном — в виде дефицита оптимальной психологической дистанции, конструктивной социализирующей интеракции, эмоциональной поддержки [18];
- 2) субъектном — в виде деформированности границ психологического пространства. «Слабость границ приводит к неспособности человека стать ответственным субъектом жизни» [19, с. 104]. Ученые предлагают говорить о депривированной субъектности (А. Б. Серых), депривированной суверенности (Е. С. Фоминых) виктимной личности, проявляющейся

в неспособности защищать и развивать свое психологическое пространство и склонности некритично подчиняться другим людям.

Исследования ученых показывают, что психологическое пространство личности виктимных индивидов отличается малым количеством измерений в связи с депривированностью потребностей, низкой степенью разграничения с содержанием психологического пространства личности других людей, отсутствием своевременного возникновения в нем новых измерений в соответствии с задачами взросления [2; 4; 20; 21]. Развитие психологического пространства личности зависит от интенсивности и осмысленности жизнедеятельности человека [19, с. 137]. Учитывая характеристики психологического пространства виктимных индивидов, можно констатировать, что пристрастное и деятельное отношение к бытию им не свойственно.

Для раскрытия сущности виктимного поведения, на наш взгляд, важна дефиниция психологического пространства личности: «интериоризированная и присвоенная субъектом часть среды, которая становится содержанием его внутреннего мира» [22, с. 157]. Таким образом, признаки виктимного поведения личности — трудности в критичном выделении объектов среды, согласующихся с ее ценностями, убеждениями, и в расширении за их счет психологического пространства. Показательным в данном отношении является ряд исследований [1; 23], показавших, что основной механизм наполнения содержания психологического пространства виктимной личности — интроекция.

Позиционирование психологического пространства в межличностном взаимодействии у виктимных индивидов осложнено [24—26]. Значит, виктимное поведение проявляется в спецификации сфер персонализации личности, т. е. сфер социальной реальности, в которых она производит преобразования и привносит элементы индивидуальности. Это отражает характеристику психологического пространства: широта. Для обладателей виктимного поведения характерно рассмотрение малого числа областей реального мира как относящихся к их жизни. Имеет место трудность как в присвоении ими социальной среды, так и в конструктивной самопрезентации.

Как показал анализ эмпирических исследований, фактор, осложняющий процессы приватизации и персонализации виктимной личности, — низкий уровень самопознания, неумение идентифицировать содержание своего психологического пространства [9; 10; 27—30]. Жесткие внутренние психологические границы обуславливают недифференцированность «Я» виктимной личности, что выражается в диффузности и фрагментарности представлений о себе, утрате базового доверия к себе, нарушении контакта с собой. Таким образом, виктимность предполагает низкий уровень рефлексии, которая отличает человека как субъекта жизни.

Основная характеристика психологического пространства, согласно К. Левину, — состояние его границ, отвечающих за сохранение целостности личности и регуляцию процессов взаимовлияния личности и среды [31]. Данная идея нашла продолжение в работах Н. В. Коптевой, С. К. Нартовой-Бочавер и И. П. Шкуратовой: личностные границы рассматриваются ими как инструмент развития субъектности, равноправного взаимодействия [32—34].

Нами систематизированы качества личностных границ, проявляемые человеком с виктимным поведением:

– слабый и неэффективный контроль личностных границ: размытость, низкие прочность и структурированность [33; 35—37]. Виктимные индивиды не умеют отказывать, выбирают способы самоутверждения, не позволяющие сохранить свободу [33, с. 165];

– низкая степень осознанности и чувствования личностных границ. Исследования ученых [9; 11; 18; 20; 21; 28] позволяют заключить, что данные характеристики личностных границ приводят к перемещению источника оценивания вовне, отрицанию своей значимости и стремлению соответствовать ожиданиям других людей, передаче функции управления содержанием своего психологического пространства другим людям, что обуславливает

трудности разграничения «Я» от «не-Я» и самоопределения. Вследствие этого возникают переживания подчиненности и пространственной неуместности, на которых акцентирует внимание С. К. Нартова-Бочавер [19, с. 103];

– слабая регуляция личностных границ: чрезмерная открытость / закрытость, чрезмерная проницаемость, трудность в установлении и регулировании психологической дистанции. Тонкие межличностные границы обуславливают неразборчивость и зависимость в межличностных отношениях, а толстые границы — повышенную осторожность и дистанцирование.

Регуляция личностных границ как изменение их состояния в процессе взаимодействия — условие адаптивности поведения [38, с. 18]. Неумение выстраивать гибкие личностные границы детерминирует сложность ведения виктимной личностью диалога с социальным миром, предполагающего организацию сотрудничества наряду с сохранением автономии. Следствие неумения регулировать личностные границы — предпочтение виктимными индивидами оборонительного поведения вместо преобразовательной и поисковой активности, типичной для субъектов жизни. В частности, Н. Г. Осухова описывает три вида проявлений виктимного поведения людей, иллюстрирующие его защитный характер: агрессия как «преодоление препятствий любой ценой», поиск сильной личности, способной решать их проблемы, пассивность или уход от трудных ситуаций [39, с. 86].

С позиции субъектно-средового подхода, признак виктимного поведения — уклонение человека от позиции субъекта жизнедеятельности.

Важная характеристика субъекта — принятие и проявление ответственности за свою жизнь. Ответственность — добровольное, внутренне принятое, осуществление правил, требований, при котором человек сам определяет поле своей активности и осуществляет ее контроль [40, с. 58]; осознание себя в качестве основной причины изменений в своей жизни и социальном окружении [41, с. 21]; осознание авторства своей жизни и принятие его последствий [42, с. 39]. Исследования ученых указывают на отсутствие у виктимных индивидов данного качества: низкий уровень осознания себя как причины изменений своей жизни, склонность делегировать контроль над своей жизнью социальному окружению, неверие в свои силы, фаталистичность суждений, восприятие среды как неуправляемой [5; 35; 43; 44]. Значит, виктимное поведение сопряжено с рассмотрением личностью своих поступков как вынужденных, продиктованных внешними обстоятельствами. Оно выражается не только в отказе от личной ответственности за свою жизнь, но и делегировании ее социальному окружению, что может проявляться в манипуляции и обвинении других людей или обстоятельств с целью получения внимания и помощи. Это свидетельствует о низком уровне саморегуляции виктимных индивидов в процессе жизненного самоосуществления.

Вместе с тем, виктимное поведение находит выражение в проявлении ответственности за жизнь других людей [37, с. 125; 38 с. 16], т. е. инверсия ответственности, трудности разграничения сферы ответственности своей и другого человека, обусловленные деформацией личностных границ. Такое переживание квазиответственности, вменяемой другими людьми, формирует у виктимных индивидов ложное чувство свободы, в то время как суверенная личность способна разделять ответственность с другими людьми [19, с. 251]. Признак суверенного поведения — построение равноправных отношений.

Представители субъектного подхода в психологии выделили следующие индикаторы субъектности: инициатива в преобразовании своей жизни и среды, пристрастное отношение к бытию и самодеятельность [45; 46]. Они отражают способность личности делать себя и свою жизнь объектом преобразования. Как показали исследования ученых, отмеченные субъектные качества не свойственны виктимным индивидам [25; 26; 30; 38]. По верному замечанию О. В. Холичевой, пассивность — ключевой признак виктимного поведения. В теории личностной уязвимости М. Джеймс и Д. Джонгвард виктимные индивиды («проигравшие») описываются как ожидающие спасения, погруженные в сомнения, стремящиеся сохранить «статус-кво» [47], что подтверждает отсутствие у них стремления к самоорганизации и самодетерминации, отличающего суверенную личность.

Инициативность у виктимных индивидов блокируется низкой самооффективностью автономного поведения, фрустрированной потребностью в безопасности [9; 48]. Систематическое переживание личностью деформации границ психологического пространства обуславливает формирование иррациональных убеждений о себе и социальном мире: восприятие мира как опасного для самопредъявления и убежденность в бессмысленности любого начинания [48—50]. Это во многом объясняет их пассивность. Можно заключить, что виктимное поведение сопряжено с проявлением созерцательной и страдательной позиций, которые предполагают отказ человека от управления событиями своей жизни.

Пассивность виктимных индивидов детерминирована также низким уровнем жизнестойкости, выражающимся в переживании отверженности, бессмысленности деятельности, низкой вовлеченности в жизнь. Виктимные индивиды не способны переживать настоящее во всей полноте, воспринимают его как незначительное и бессмысленное, отличаются низкой осознанностью жизненных предназначений [5; 13; 30]. Отказ от постановки трудных целей и приложения усилий для их достижения связаны с имеющимся у них опытом неконтролируемости событий жизни.

Существенным представляется указание К. А. Абульхановой-Славской на наличие свободы как условие проявления инициативы [40, с. 58]. Исходя из перечисленных выше признаков виктимного поведения, можно сделать вывод, что оно сопряжено с переживанием состояния внутренней несвободы. Внутренняя несвобода проявляется, согласно Д. А. Леонтьеву, как непонимание человеком действующих на него сил, отсутствие осознанных смысложизненных ориентаций [41].

С позиции субъектно-средового подхода суверенная личность отличается наличием опыта автономного поведения и способностью сохранять автономию в межличностном взаимодействии. При описании автономии ученые акцентируют внимание на самостоятельности, проявляемой в границах и на границах психологического пространства личности. Личностная автономия трактуется как способность контролировать психологическое пространство во взаимодействии и по отношению к жизненному пути в целом, конструктивно организовывать психологическое пространство по параметру «индивидуальность—стандартность», самостоятельно общаться с миром [51—53]. По мнению представителей субъектного подхода, автономия связана с проявлением авторства жизни [54—56]. Таким образом, автономия рассматривается не только в аспекте независимости, но и в аспекте управления своим психологическим пространством, регулирования процессов приватизации и персонализации.

Виктимное поведение в отличие от суверенного поведения, сопряжено с подчинением воле других людей и проявлением зависимости. Зависимость виктимных индивидов выражается в приверженности чужому мнению, интересам, замещении своих потребностей потребностями значимого другого, ориентации на помощь при решении проблем, выстраивании своего поведения в соответствии с оценками и ожиданиями других людей, стремлении к его внешней регуляции. Применение положений теории человеческой деструктивности Э. Фромма к анализу сущности виктимного поведения позволяет заключить, что оно проявляется в отказе от своего «Я». По верному замечанию Э. Фромма, зависимость от других связана с иллюзией обретения утраченной уверенности и значимости, но в действительности помогает забыть о собственной индивидуальности [57].

Согласно К. А. Абульхановой-Славской, развитие человека как субъекта представляет собой сочетание двух процессов: обособление от социального мира и включение в него [40, с. 34]. Данная точка зрения нашла продолжение в работах ученых, рассматривающих суверенное поведение. На сочетание способности к индивидуации и сотрудничеству указывает С. К. Нартова-Бочавер: суверенное поведение не предполагает противопоставления субъекта окружающей среде, а проявляется в выделении им себя из бытийного фона и уважительном отношении к другим людям [38, с. 15—16].

Виктимное поведение сопряжено с крайними формами этих двух процессов. Обособление принимает форму отчуждения от мира, а интеграция — форму симбиотических отношений, т. е. виктимные индивиды не способны быть собой и одновременно сотрудничать с другими людьми. Еще одну форму нарушения контакта со средой, типичную для виктимных личностей, отмечает М. А. Одинцова: манипуляция [3]. Значит, виктимное поведение находит выражение в уклонении от позиции субъекта общения и позволении нарушать свои личностные границы, а также может сопровождаться нарушением границ психологического пространства других людей.

Отчуждение от других и слияние с другими — следствие низкого уровня суверенности социальных связей, являющейся предпосылкой избирательности в межличностных отношениях. Согласно С. К. Нартовой-Бочавер, без суверенности социальных связей не может возникнуть субъектное отношение к другому человеку [19, с. 117]. Очевидно, что депривированность границ данной области психологического пространства приводит к проецированию индивидом их состояния на границы психологического пространства личности других участников взаимодействия. Сходная точка зрения содержится в концепции онтологической неуверенности Р. Лэнга. Нарушение границ психологического пространства личности других людей, с его точки зрения, можно обосновать отсутствием ощущения «автономной индивидуальности» и, как следствие, трудностью отношения к другому человеку как автономному [58, с. 39]. Похожее мнение выражают А. Б. Серых (недостаток опыта рассмотрения себя и социального окружения как субъектной ценности провоцирует нарушение личностных границ других индивидов) [59].

На основании вышесказанного виктимное поведение рассматривается нами в русле субъектно-средового подхода как исполнение индивидами роли реальной / мнимой жертвы, для которой характерно неэффективное сопротивление нарушению границ своего психологического пространства и уклонение от позиции субъекта жизнедеятельности, обуславливающее их психологическую виктимизацию или ревиктимизацию в межличностном взаимодействии.

Заключение. Субъектно-средовой подход позволяет преодолеть ограничения других методологических подходов к рассмотрению сущности виктимного поведения.

Для виктимных индивидов характерны: неспособность самостоятельно развивать и защищать психологическое пространство личности, деформация личностных границ, неумение выстраивать отношения с социальной средой как с субъектом, отсутствие стремления к самодетерминации своей жизни, принятие созерцательной и реактивной позиции, дефицит проявления субъектных качеств, спецификация областей персонализации.

Список цитируемых источников

1. *Одинцова, М. А.* Психологическая коррекция установки «жертвы» у подростков Чернобыльской зоны : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / М. А. Одинцова ; Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. — Ярославль, 2007. — 24 с.
2. *Одинцова, М. А.* К вопросу об исследованиях проблемы жертвы в психологии / М. А. Одинцова // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Психология. — 2011. — № 18. — С. 28—31.
3. *Одинцова, М. А.* Функциональный аспект манипуляций в поведении индивида с установкой «жертвы» / М. А. Одинцова // Вестн. Чуваш. ун-та. — 2011. — № 1. — С. 198—202.
4. *Одинцова, М. А.* Психологические особенности виктимной личности: вопросы психологии / М. А. Одинцова // Вопр. психологии. — 2012. — № 3. — С. 59—67.
5. *Одинцова, М. А.* Типы поведения жертвы. Диагностика ролевой виктимности : монография / М. А. Одинцова. — Самара : Бахрах-М, 2013. — 160 с.
6. *Захарова, Н. Л.* Ролевая виктимность подростков в ситуации хронического заболевания / Н. Г. Захарова, М. А. Одинцова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. — 2015. — № 3. — С. 1—9.
7. *Чернобровкина, Н. Ю.* Особенности ценностно-смысловой сферы личности разного виктимного типа : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Н. Ю. Чернобровкина ; ун-т Рос. акад. образования. — М., 2013. — 24 с.

8. Андронникова, О. О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / О. О. Андронникова. — Новосибирск, 2005. — 213 л.
9. Долговых, М. П. Психологическая детерминация проявления виктимного поведения личности подростка : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / М. П. Долговых. — М., 2009. — 189 л.
10. Клачкова, О. А. Структурная организация виктимной личности : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / О. А. Клачкова. — Комсомольск-на-Амуре, 2008. — 173 л.
11. Фоминых, Е. С. Психологический мир виктимной личности / Е. С. Фоминых // Концепт. — 2013. — Т. 4. — С. 1496—1500.
12. Плавник, Н. К. Виктимность: трагедия личности и издержки воспитания / Н. К. Плавник // Нар. асвета. — 2009. — № 12. — С. 80—82.
13. Одинцова, М. А. Этапы разработки опросника «Тип ролевой виктимности» / М. А. Одинцова, Н. П. Радчикова // Ярослав. пед. вестн. — 2012. — Т. 2, № 1 : Психолого-педагогические науки. — С. 309—314.
14. Стреленко, А. А. Социально-перцептивные образы виктимной личности : монография / А. А. Стреленко. — Витебск : ВГУ, 2009. — 138 с.
15. Яценко, Т. Е. Динамика уровня сформированности компонентов социально-личностных компетенций у будущих педагогов в процессе элективного обучения девиктимизации / Т. Е. Яценко // Вестн. БарГУ. Сер. Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки. — 2015. — Вып. 3. — С. 70—75.
16. Яценко, Т. Е. Виктимология образования: в помощь практическому психологу : практ. пособие для студентов психол. специальностей / Т. Е. Яценко, Ж. В. Рзаева. — Барановичи : РИО БарГУ, 2014. — С. 3—274.
17. Яценко, Т. Е. Родительские установки женщин с ролевым виктимным поведением в период ранней взрослости / Т. Е. Яценко, А. В. Гилько // Психологическое благополучие современной семьи : материалы межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. д-ра психол. наук, проф. Н. В. Нижегородцевой. — Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. — С. 197—200.
18. Руденский, Е. В. Социально-психологическая виктимология личности как психотехническая система социальной терапии виктимной личности / Е. В. Руденский // Сиб. пед. журн. — 2013. — № 3. — С. 162—166.
19. Нартова-Бочавер, С. К. Психологическое пространство личности : монография / С. К. Нартова-Бочавер. — М. : Прометей, 2005. — 312 с.
20. Craig, W. M. Bullying and fighting / W. M. Craig // Young people in Canada: their health and well-being ; eds. W. Boyce. — Health Canada, HBSC, 2004. — P. 87—96.
21. Finkelhor, D. Poly-Victimization: a neglected component in child victimization / D. Finkelhor, R. Ormrod, H. Turner // Child abuse and neglect. — 2007. — Vol. 31(1). — P. 7—26.
22. Городилина, М. В. Суверенность психологического пространства личности как фактор медиабезопасности / М. В. Городилина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. — 2013. — Вып. 80, № 21. — С. 157—158.
23. Харин, С. С. Ассимилятивно-аккомодационная модель работы с интроектом «жертва» / С. С. Харин // Актуальные проблемы кризисной психологии : сб. науч. тр. / Нац. ин-т образования ; под ред. Л. А. Пергаменщика. — Минск, 1999. — С. 119—130.
24. Буравцова, Н. В. Взаимосвязь структурно-содержательных характеристик психологического пространства личности и эмпатии : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Н. В. Буравцова. — Новосибирск, 2011. — 237 л.
25. Нартова-Бочавер, С. К. Онтогенез психологической суверенности личности / С. К. Нартова-Бочавер // Психология зрелости и старения. — 2005. — № 1. — С. 102—113.
26. Нартова-Бочавер, С. К. Психологическая суверенность личности: генезис и проявления : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / С. К. Нартова-Бочавер. — М., 2005. — 431 л.
27. Волкова, В. В. Феномен виктимного поведения в условиях современного мегаполиса / В. В. Волкова // Ученые записки С.-Петерб. гос. ин-та психологии и соц. работы. — 2010. — № 2 (14). — С. 57—61.
28. Фоминых, Е. С. Психолого-педагогическое сопровождение девиктимизации студентов с ограниченными возможностями здоровья в образовательном пространстве вуза : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Е. С. Фоминых. — Оренбург, 2012. — 290 л.
29. Холичева, О. В. Пассивность как системная характеристика виктимной личности / О. В. Холичева // Науч. проблемы гуманитар. исслед. — 2009. — № 10 (1). — С. 104—110.
30. Холичева, О. В. Смысловая сфера виктимной личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / О. В. Холичева ; Дальневост. гос. ун-т путей сообщения — Хабаровск, 2009. — 26 с.
31. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. — СПб. : Речь, 2000. — 368 с.
32. Коптева, Н. В. Онтологическая уверенность и психологическая суверенность / Н. В. Коптева // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 3. — С. 223—227.
33. Нартова-Бочавер, С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии / С. К. Нартова-Бочавер. — СПб. : Питер, 2008. — 400 с.

34. Шкуратова, И. П. Личность и ее жизненное пространство / И. П. Шкуратова // Психология личности : учеб. пособие / И. П. Шкуратова ; под ред. П. Н. Ермакова, В. А. Лабунской. — М., 2008. — С. 173—177.
35. Мухина, В. С. Отчужденные: абсолют отчуждения : монография / В. С. Мухина. — М. : Прометей, 2009. — 704 с.
36. Осухова, Н. Г. Между поддержкой и дорастиванием: психологическое сопровождение подростков, переживших насилие / Н. Г. Осухова // Развитие личности. — 2003. — № 4. — С. 153—166.
37. Фоминых, Е. С. Нарушения личностных границ студента-инвалида в контексте его виктимной деформации / Е. С. Фоминых // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. Педагогические науки. — 2012. — № 1 (65). — С. 122—125.
38. Нартова-Бочавер, С. К. Динамика развития психологических границ на протяжении детства / С. К. Нартова-Бочавер // Актуальные проблемы психологического знания. — 2014. — № 3 (32). — С. 13—27.
39. Осухова, Н. Г. Психодрама: помощь детям, пережившим насилие / Н. Г. Осухова // Педагогика. — 2001. — № 3. — С. 86—96.
40. Абульханова, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова. — М. : Мысль, 1991. — 299 с.
41. Леонтьев, Д. А. Очерк психологии личности / Д. А. Леонтьев. — М. : Смысл, 1993. — 43 с.
42. Чумакова, Е. В. Структура ответственности в контексте экзистенциального выбора личности / Е. В. Чумакова, С. П. Лукьянова // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Психология. — 2009. — Вып. 5, № 18. — С. 37—41.
43. Волкова, Т. Г. Образ Я как структурный компонент самосознания виктимной личности / Т. Г. Волкова // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2013. — Т. 1, № 2 (78). — С. 54—59.
44. Лефтеров, В. А. Психологические особенности виктимного поведения женщин в ситуациях домашнего насилия [Электронный ресурс] / В. А. Лефтеров, Т. М. Вакулич // Психология и право. — 2013. — № 2. — Режим доступа: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61022.shtml>. — Дата доступа: 18.07.2014.
45. Осницкий, А. К. Структура и функции регуляторного опыта в развитии субъектности человека / А. К. Осницкий // Субъект и личность в психологии саморегуляции ; под ред. В. И. Моросановой. — М. : Ставрополь, 2007. — С. 233—255.
46. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер, 2003. — 512 с.
47. Джеймс, М. Рожденные выигрывать. Транзакционный анализ с гештальт-упражнениями / М. Джеймс, Д. Джонгвард ; пер. с англ. Б. Е. Волынского. — М. : Прогресс : Универс, 1993. — 336 с.
48. Garbarino, J. The psychologically battered child / J. Garbarino, E. Guttman, J. Seeley. — San Francisco : Jossey-Bass, 1986. — 308 p.
49. Karpman, M. D. Fairy tales and script drama analysis / M. D. Karpman // Transactional Analysis Bulletin. — 1968. — Vol. 7, № 26. — P. 39—43.
50. Rigby, K. Effects of peer victimization in schools and perceived social support on adolescent well-being / K. Rigby // J. of adolescence. — 2000. — № 23. — P. 57—68.
51. Дорофеев, Д. Ю. Проблемы современной философской антропологии: спонтанность и суверенность человека / Д. Ю. Дорофеев // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. — 2009. — Т. 2, № 3. — С. 162—171.
52. Мартиросян, К. В. Суверенность личностного пространства как предмет теоретического и эмпирического психологического исследования [Электронный ресурс] / К. В. Мартиросян // Наукоедение. — 2013. — Вып. 6. — Режим доступа: <http://pub/naukovedenie.ru>. — Дата доступа: 05.09.2014.
53. Шаповал, М. А. Депривированная суверенность: социальные и дизонтогенетические эффекты инфантилизма / М. А. Шаповал, Л. А. Аскольская // Пед. журн. Башкортостана. — 2010. — № 2. — С. 48—70.
54. Брушлинский, А. В. Психология субъекта / А. В. Брушлинский. — СПб. : Алетея, 2003. — 272 с.
55. Осницкий, А. К. Структура и функции регуляторного опыта в развитии субъектности человека / А. К. Осницкий // Субъект и личность в психологии саморегуляции ; под ред. В. И. Моросановой. — М. : Ставрополь, 2007. — С. 233—255.
56. Слободчиков, В. И. О соотношении категорий «субъект» и «личность» в контексте психологической антропологии / В. И. Слободчиков // Развитие личности. — 2005. — № 2. — С. 49—58.
57. Фромм, Э. Бегство от свободы : пер. с англ. / Э. Фромм ; под общ. ред. П. С. Гуревича. — М. : Прогресс, 1989. — 272 с.
58. Лэнг, Р. Д. Расколотое «Я» : пер. с англ. / Р. Д. Лэнг — СПб. : Белый Кролик, 1995. — 352 с.
59. Серых, А. Б. Формирование готовности педагога к работе с виктимными детьми / А. Б. Серых. — Калининград : БИЭФ, 2000. — 156 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках международного проекта БРФФИ—РФФИ «Психологическое сопровождение виктимной личности в подростковом и юношеском возрасте: система психологической диагностики и коррекции», № Г18Р-298.

Поступила в редакцию 20.07.2018